

УДК 2(=512.31)

Особенности распространения православия среди бурят в XIX в.

Т. Е. Санжиева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В статье на основе архивных материалов полевых изысканий С. П. Балдаева освещены некоторые особенности распространения православия среди бурят в XIX в. Дается историко-логический обзор эволюции православной миссии, являющейся одной из культур-цивилизационных доминант в процессах имперской колонизации края.

Ключевые слова: Забайкалье, миссионерство, миссионерский стан, западные буряты, восточные буряты, православие, шаманизм.

Данная статья подготовлена по материалам фонда С. П. Балдаева (1889–1978) – известного ученого, основоположника устной истории в Бурятии. В представленной работе приведены конкретные факты, оставшиеся в народной памяти, зафиксированные С. П. Балдаевым. Начиная с 1908 г., он опрашивал знатоков старины, записывал родословные предания и легенды бурят, шаманские обряды, улигеры, сказки, пословицы и поговорки, загадки и т. д. Приведенные в статье события записаны С. П. Балдаевым со слов тухэшинов – стариков, знающих историю рода, в том числе и о фактах крещения бурят.

Православные священники пришли на земли бурят во второй четверти XVII в. одновременно с первыми казацкими отрядами. Практически сразу же они стали насильно крестить взятых в плен мужчин и женщин. С организацией в 1681 г. Даурской миссии крещение бурят пошло в организованном порядке и носило добровольный характер. В 1727 г. вместо миссии был организована Иркутская епархия. Позднее в 1851 г. она разделилась на Иркутскую и Забайкальскую духовные миссии. В XIX в. В местах расселения бурят открывались миссионерские станы. В 1870 г. в двух миссиях епархии было 22 стана, в начале XX в. – 41 стан [1]. На содержание миссионерских станов выделялись большие средства. Стан обычно состоял из церкви, домов церковного причта и миссионерской школы с пансионом. Миссионерским школам миссия выделяла по 50 руб. на учебники и учебные пособия. При школах были пансионы, миссия отпускала на одного ученика по 5 руб. в месяц на питание. Пансион содержали псаломщики [2]. Забайкальская и Иркутская духовные миссии имели около 30 миссионерских школ, давали стипендии, но туда бурятские дети не шли. В этих школах обучались только дети ясачных, т. е. крещеных, бурят.

Буряты, кочевавшие в Приангарье и Верхоленье (ныне Иркутская область), воспринимали крещение как одну из повинностей. При этом остава-

лись шаманистами и не придерживались христианских традиций. В укреплении православия в Забайкалье значительную роль сыграл фактор формирования новой поселенческой среды с православным укладом жизни, распространяя на все стороны жизни колонистов свое влияние, послуживший задаче адаптации русского населения в инонациональной среде. Новая поселенческая среда, основой которой были монастырские приходы, таким образом, явилась фундаментом для дальнейшего распространения духовной и материальной культуры православной России на востоке страны. Созидание храмов совпадало с созиданием новой духовности, нового мировоззрения, изменившего социокультурное пространство региона с преобладанием культурного и духовного влияния традиционных религий бурят – буддизма и шаманизма, в XVII в. [3].

Принявшие крещение буряты становились ясачными, из них создавались ясачные деревни. В большинстве случаев крестились люди, имевшие слабое хозяйство или не имевшие его. Окрестив таких людей, миссионеры подыскивали русских вдов, женили их и селили в отдаленных от бурят местах. Запрещали им посещать своих родственников, знаться с ними, садиться за один стол и кушать с «нехристями», «погаными». Бурятским ясачным деревням отводили по настоянию миссионеров лучшие земли по 30 десятин на душу при крещении. Из миссионерского комитета отпускали по куску мануфактуры, кирпичику чаю и 25 руб. Несмотря на это, все ясачные деревни жили бедно, батрачили у русских казаков, занимались мелким воровством. Например, село Надеждино (Бохан), Харайское (Оса), Грязнуха (Аларь), Харюзовка (Балаганск), Ониноборск (Хори), Сосновка (Еравна) и пр. [3]. Было много обрусевших и крещеных бурят в долине Тунки. Они жили отдельно во вновь созданных поселках: Тукурэн, Затунка, Гужир, Бычье, Ахалик, Хобок, Хурай, Кочки, Талая, Шимки, Туран и Монда [4].

Одним из способов крещения бурят стала их женитьба на русских женщинах, обычно вдовах, потерявших надежду найти русского мужа. Девушки за бурят замуж не выходили. Если миссионеры не находили вдов в деревнях, то обращались через начальника духовной миссии в тюремное ведомство. Оно по своей линии давало наказ отправить из России нужное количество женщин. Их отгружали в Иркутске или Верхнеудинске, оттуда миссионеры везли в миссионерские станы. Туда же прибывали купцы с подарками для молодоженов.

В день крещения женихов и венчания молодых приезжало все начальство уезда: крестьянский начальник (институт крестьянских начальников был введен в 1887 г.), уездный исправник, становой пристав, благочинный протоиерей, голова инородной управы с выборными и родовыми старостами, сотские и десятские. Также приезжали миссионеры с ближайших станов и приходские священники окружающих сел. В торжественной обстановке благочинный протоиерей в сослужении миссионеров и священников совершал торжественное богослужение, после обедни крестил женихов в православную веру, нарекал их новыми именами. Затем венчал женихов и невест. Этим церковная служба завершалась. Церковный староста приглашал молодых и всех

гостей к свадебному столу, приготовленному купцом. Первыми за стол садились молодые, за ними остальные. Церковный староста был за хозяина, он угощал гостей, за столом прислуживали жены миссионеров, дьяконов и псаломщиков. Благочинный говорил речь, посвященную распространению православия среди инородцев Сибири, заканчивая ее возгласом: «Да будет единое стадо и единый пастырь!». После этого купец раздавал подарки молодым: жениху 25 руб., невесте кусок ситца, обувь зимнюю и летнюю, пальто и шубы, полный комплект постели, самовары и чашки, вилки и ножи. Если молодые были бедны, то крестный отец женихов дарил по коню и корове на двор. Напившись и нагулявшись, гости под руководством церковного старосты провожали молодых на покой, обычно в миссионерскую школу. Затем миссионер стана благословлял на покой, укладывал молодых спать, и все уходило. Прожив некоторое время, обычно медовый месяц, молодые жены, обворовав своих мужей до нитки, убегали. Миссионер стана разыскивал их через полицию, находил их в пути в Россию или в Нерчинских каторжных тюрьмах, куда были отправлены их мужья. Некоторых каторжанок привозили к новоиспеченным мужьям, но мужья-буряты обычно отказывались от таких жен [5].

Русские миссионеры не были фанатами своего дела. Они жили среди бурят по 30–40 лет, но за это время не удосуживались изучить язык. В 1831 г. в Тунку с миссионерской целью приехал иеромонах Нифонт. Он жил в Ниловой пустыни, тогда там никого не было, впервые установил там юрту и жил со своим келейником. Он ездил по улусам и проповедовал христианство. Проповедь его не имела успеха, так как он не знал бурятского языка, а местные буряты не знали русский язык. Тогда иеромонах составил воззвание на имя начальствующих лиц степной думы: тайши Зангея Хамакова, заседателя думы Бордоя Прушенова, заседателей Сымбыла Шоглохоева и Хамагана Осокова, шуленги Полота Хошкеева и Цедэна Пагошкина. Все они были шаманистами, и слова иеромонаха остались гласом вопиющего в пустыне [6].

В отличие от русских, английские и тибетские миссионеры прежде всего изучали язык, занимались переводами священных книг, составляли учебники, обучали бурятскому и монгольскому языкам.

Большую помощь в крещении сыграли буряты, ставшие миссионерами. В 1827 г. в Тунку приехал миссионер Николай Батаров, бурят из Алари. Он проповедовал на бурятском языке, тем не менее, тоже не имел успеха. Чтобы привлечь бурят к русской вере, нужны были материальные средства: кирпичный чай, ситец и деньги. Иркутский архиерей велел выделить все необходимое из казны Вознесенского монастыря. Тогда резиденцию миссионерства из Ниловой пустыни перевели в Гужиры (Хужар по бурятски). Здесь был построен небольшой домик, где служили церковную службу и крестили бурят. Бурятам было объявлено: кто крестится всей семьей, тот получит кирпич чая, кусок ситца и 25 руб. Охотников нашлось много, преимущественно беднота [7].

Монахи Посольского монастыря часто приезжали к бурятам и вели агитацию за переход в православную веру. В то время в улусе Корсаковском жил бедняк Семен Борсоев, крещеный бурят. У него был 10-летний сын Церен.

Монахи увидели сына и стали просить Семена отдать им его на обучение. Они определили Церена в Посольское миссионерское училище. Окончив курс учения, Церен был послан в Читинское миссионерское училище, по окончании которого был посвящен в сан диакона и назначен в Корсаковский миссионерский стан диаконом.

Живя среди кударинских бурят, диакон Борсоев вел большую работу по крещению бурят, чтобы сделать их христианами и верноподданными русского православного царя. В этом деле ему помогали архимандрит Посольского монастыря и архиерей Читы. С их помощью Борсоев открыл миссионерскую школу в улусе Корсаковском [8].

Другим известным миссионером из бурят стал Доржо Тарбаев, происходивший из бурят Хори. Родители отдали его в Анинский дацан, где она стал хувараком, но лама-учитель обращался с ним жестоко. Когда ему исполнилось 16 лет, после одного жестокого наказания он убежал к русскому миссионеру Анинского миссионерского стана. Миссионер принял его, продержав Тарбаева целую зиму в качестве дарового батрака, летом увез в Посольский монастырь, определил в школу катехизаторов. Тарбаев умел читать и писать по-русски. Даровитый от природы Тарбаев стал зубрить молитвы и богослужения. Через четыре года он кончил школу катехизаторов. Викарий Забайкальской епархии отправил его в Иркутский Вознесенский монастырь к начальнику Иркутской духовной миссии с целью устроить в духовную семинарию. Это не получилось, и викарий Иркутской епархии устроил Тарбаева в русско-монгольскую школу преподавателем монгольского языка, где он хорошо справлялся со своей работой.

Проработав там три года, Тарбаев хорошо выдержал экзамен на дьякона в духовной семинарии. После этого он устроился преподавателем монгольского языка в Посольский монастырь. Работая учителем, Тарбаев выдержал экзамен на священника и был назначен в Курбинский миссионерский стан миссионером. Здесь он с дьяконом А. Кулаковым прослужил около десяти лет. Получал он в месяц около 900 руб. с разъездными. На миссионерском стане он имел 100 десятин земли, батраков, которые обрабатывали землю, косили сено и убирали. Тарбаев зажил на широкую ногу. Дочери его получили образование в Иркутском епархиальном училище, работали учительницами [9].

Бурят из Анинского улуса Хоринской степной думы Дугар Зориктуев также стал православным миссионером. Учился он в Анинском приходском училище у учителя Цэцэна Сакияева в 1890–1895 гг. Окончив курс учения, служил дьячком Курбинского миссионерского стана, крестился и стал Иваном Стуковым. Был крестником известного миссионера Константина Стукова. Учился в монастырской двухклассной школе при Вознесенском монастыре, которую окончил с отличием. Потом выдержал экзамен на дьякона, а через месяц на священника. Его назначили миссионером-священником в Курбинский миссионерский стан. Он проработал миссионером больше десяти лет, а потом, заболев, отказался от работы. Женат был на русской женщине, которую отправил с сыном к родителям в Иркутск, а сам остался в улусе Шулутаевом. Умер миссионер Иван Стуков (Зориктуев) в начале XX в. [10].

Многие миссионеры были заняты своим хозяйством. До революции в улусе Моон (Монды) был миссионерский стан, штат которого составляли поп-миссионер и псаломщик. При миссионерском стане была церковно-приходская школа, где учительницей служила жена миссионера. Учеников было не более 5–10. Они получали содержание от миссионерского комитета. Миссионером там сначала был Яков Чистохин – бурят из Аги Забайкальской области. Его сменил украинец Коротко-Рутченко, который был больше занят своим хозяйством: закупал скот в Монголии, вместе с псаломщиком пригонял его на железнодорожную станцию Култук, где загружал в вагоны и продавал в Иркутске. Кроме того, он сам закалывал скот и рознично продавал на мясном рынке. Коротко-Рутченко был хорошим охотником, он добывал соболей, козуль, волков, медведей, сохатых и маралов.

Когда С. П. Балдаев работал учителем в Коймарской школе в 1909–1912 гг., то видел его, ехавшего за скотом с длинным прутком. За ним ехала на телеге попадьа. Говорили, что он вернулся на Украину богатым человеком, расстригся и стал торговцем мясом [11].

Среди бурятской интеллигенции были люди, которые боролись с крещением бурят. Таким человеком был Федор Дархеев. Он происходил из улуса Малый Дулан Кударинской степной думы. Учился в Дуланской миссионерской церковно-приходской школе. Окончив курс школы, обратился к попечителю Дуланской школы И. З. Хамаганову. Он определил его в Верхнеудинское уездное училище. Окончив это училище, Дархеев выдержал экзамен на звание учителя начальных школ при Читинской классической гимназии и был назначен учителем Кударо-бурятского приходского училища при степной думе. Дархеев боролся с крещением бурят миссионером-бурятом Семеном Мироновым и женитьбой их на русских женщинах, пригнанных из России по требованию Духовной миссии. Поп из кударинских бурят С. Миронов нападал на Дархеева, писал во все инстанции империи жалобы на него. В результате Дархеева выгнали с работы, и он окончил свою жизнь в нищете в родном Дуланском улусе [12].

Видя, что русская администрация и архиерей оказывают крещеным бурятам всякую поддержку, первым из тункинских ноенов принял крещение Бордой Прушенов. Вместе с ним крестились около тысячи человек. Хитрый Прушенов стал добиваться организации особой административной единицы – инородной управы. Начальство губернии и архиерей поддержали его, и из состава Тункинской степной думы была выделена инородная управа, головой которой стал Прушенов. Из подчиненного тайше человека он стал главой, т. е. получил одинаковые с тайшой права над бурятами. Дела Прушенова пошли хорошо. Миссия построила церковь в Гужирах, назначила причт, состоящий из священника, диакона и псаломщика.

Как крещеный человек, Прушенов стал влиять на общественные дела всей Тунки. Тайша Зангей Хамаков учел это и решил тоже креститься. Продать себя православию он решил дорого. Один из великих князей путешествовал по Сибири и сделал довольно продолжительную остановку в Томске. Хамаков поехал туда и крестился, крестным отцом стал великий князь. В

дальнейшем это сыграло в его карьере большую роль. С ним стали считаться больше, чем с Прушеновым. Прушенов представлял опасность для Хамакова, так как мог занять место тайши. Поэтому первым делом Хамаков объединил инородную управу со степной думой, сделал он это без особых усилий. Прушенов был избран родовым старостой одного небольшого рода, и стал опять подчиняться Хамакову. Через некоторое время Прушенов был снят с должности и стал рядовым бурятом [13].

В Западной Бурятии движение против православия среди крещеных бурят наблюдалось только в Тунке, в прочих местах буряты были двоеверными, т. е. шаманистами и православными. Были буряты, которые исповедовали православие, шаманизм и ламаизм. Если кто-нибудь в семье заболевает, то приглашали сначала шамана, потом попа. Молились всем божествам, т. е. среди бурят верующих в Христа не было. Буряты были формально крещены, так как принимали крещение за особую государственную повинность. Они рассуждали так: «Мы живем под ведением русского царя на своей земле. Он требует от нас подати, повинности и принять крещение». Крещеные буряты не выполняли обязанности верующего. Родовые начальники бурят – родовые старосты, сотские, десятские, поскотинные старосты, сборщики податей – также принимали крещение как повинность царя. Но им за это давали медали, ордена, кортики, кафтаны, грамоты и возводили в классные чины. Например, тайша Идинской степной конторы Барташ Чичерин получил звание потомственного дворянина и был освобожден от податной повинности.

Буряты и тунгусы составили контингент первых монастырских подворий и поселений. В дальнейшем движение православия и православной культуры продолжилось в параметрах договоров и межличностных связей.

Был принят документ «О мерах по охранению новообращенных к православной церкви в Тобольской епархии», где объявлено: «В Сибирской губернии, для принятия христианской веры... сверх ясака, никаких податей и подвод не иметь, дабы тем к восприятию христианской веры придать лучшую охоту, а на прочих остаточных в неверии, хотя и в одних домах с новообращенными живут, всякие подати иметь с другими вряд» [3, с. 23].

Г. С. Митыпова, рассматривая различные взгляды на степень христианизации бурят в XVII–XVIII вв., отмечает, что «роль православных монастырей на территории Забайкалья в укреплении позиций Российской империи и становления православной культуры в регионе несомненна. Монастыри рассматриваются как крупнейшие культурообразующие комплексы, которые оказали существенное влияние на все стороны жизнедеятельности переселенцев и местного населения» [3, с. 60–61].

Таким образом, появление русских анклавов в местах расселения бурят стало одной из причин их разделения на две группы – западную и восточную, различающиеся не только в хозяйственном укладе, но и в ментальности. Одним из факторов происшедшей трансформации стала деятельность православных миссий. Вместе с христианством в бурятскую народную традицию были привнесены некоторые черты русской культуры и западной цивилизации. С крещением часть бурят была переведена в крестьянское сословие и

перешла на поселковый образ жизни. Большинство крещеных бурят остались в улусах, и их приобщение к православию не изменило хозяйственный и бытовой уклад, не лишило родного языка.

1. История и культура бурятского народа. – Удэ, 1999. – 256 с.

2. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ЦВРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 6.

3. Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии / Г. С. Митыпова. – Улан-Удэ, 2005. – 167 с.

4. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 23.

5. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 15.

6. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 14.

7. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 15.

8. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 3–4.

9. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 55.

10. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 885. Л. 13.

11. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 885. Л. 25.

12. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 17.

13. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 871. Л. 55–56.

14. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. Л. 4–5.

1. History and culture of the Buryats. – Ulan-Ude, 1999. – 256 p.

2. Center of Oriental manuscripts and wood-carvers of the Institute of Mongolian, Buddhism and Tibetan studies (COMW) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (SB RAS). F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 6.

3. Mitypova G. S. The Orthodoxy in the Buryatia history and culture / G. S. Mitypova. – Ulan-Ude, 2005. – 167 p.

4. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 23.

5. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 15.

6. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 14.

7. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 15.

8. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 3–4.

9. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 55.

10. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 13.

11. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 25.

12. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 17.

13. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 55–56.

14. COMW. F. 36. Inv. 1. Doc. 829. P. 4–5.

Features of the Orthodox Church Extension Among the Buryats in the XIX c.

T. E. Sanzhieva

Buryat State University, Ulan-Ude

The paper analyzes some peculiarities of the Orthodox religion extension among the Buryats in the 19th century on the basis of the archive materials of S. P. Baldayev's field research works. The article deals with a historical and logical overview of the Orthodox mission evolution, which is one of the cultural and civilizational dominants in the processes of the colonization of the region by the Empire.

Key words: Trans-Baikal region, missionary work, missionary camps, Western Buryats, Eastern Buryats, Orthodoxy, Shamanism.

Санжиева Татьяна Ефремовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Банзарова, 21, тел. 8(3012)224907, e-mail: sanj_te@mail.ru

Sanzhieva Tatiana Ephremovna – Doctor Historical Sciences, Professor of the Department of History, the Buryat State University, 670034, Ulan-Ude, Banzarov st., 21, phone 8(3012)224907, e-mail: sanj_te@mail.ru